

Мо Чанкун понял, что это не был поцелуй.

Шизун просто хотел дышать, постоянно добывая жизненный воздух из амулета, который Мо Чанкун держал во рту, чтобы набраться сил и выплыть на поверхность. Это было экстренное действие, на которое никто не обратил внимания.

Шизун не придавал этому «поцелую» значения. Когда они выбрались на берег, он сразу занялся лечением ученика, занимался другими делами, особенно волновался из-за проклятия, оставленного призрачным пауком. Он обратился к нескольким друзьям, разбирающимся в снятии проклятий, но они не нашли проблем, и эксперименты подтвердили, что проклятие мало влияет на дух меча.

Мо Чанкун тоже не чувствовал никакого дискомфорта. Шизун долгое время наблюдал за ним и, наконец, успокоился. Когда раны зажили, он сразу отвез его на Восточное море, сказав, что нужно устранить слабости и научиться плавать, чтобы враги не узнали о его слабом месте, что могло бы привести к неприятностям в бою.

Мо Чанкун был умным в любом обучении, но плавание у него не получалось, и он немного боялся воды. Шизун построил на берегу Восточного моря соломенную хижину, купил лодку и каждый день выходил с ним на рыбалку, тренируя его навыки в воде. Пять лет спустя он, наконец, научился плавать.

Море было голубым, солнце светило на рифы, везде были анемоны, кораллы и разноцветные рыбы. Шизун часто тянул его в воду, ловил крабов, собирал морских ежей, искал ракушки и шуточно имитировал водоросли, пытаясь рассмешить его. Жизнь была счастливой.

Но каждую ночь Мо Чанкуну снились те холодные и тихие глубины озера, снилась та алая фигура, нежные губы, страстные поцелуи, жесткие укусы и жадное сосание. Просыпаясь, он обнаруживал, что рядом никого нет, и от этого его сердце становилось еще более пустым.

Однажды он даже попытался намеренно утонуть, чтобы шизун спас его, но шизун извлек уроки и всегда имел при себе несколько амулетов для подводного дыхания, поэтому его маленькие уловки никогда не удавались. Он также осторожно пытался поднять эту тему:

— Гора Чисяо... Там было так опасно, — вздыхал шизун, — К счастью, я быстро среагировал и придумал, как использовать амулет для выживания, иначе бы ты погиб!

Шизун совсем не придавал значения тому поцелую. Мо Чанкун задумался, неужели он единственный, кто остался на дне озера навсегда? Единственный, кто чувствовал себя не в своей тарелке?

Его одолевало безумное желание попробовать еще раз. В тот день Янь Цяньсуй из дворца Яньло подарил шизуну кувшин хорошего вина, сделанного из травы Забвения и плодов Ста Вкусов, с легкой горечью и сладостью. Шизуну оно понравилось, и он выпил больше обычного,

не зная, что вино имеет сильное похмелье, и в итоге упал пьяным на стол.

Мо Чанкун привычно перенес его в комнату, напоил теплой водой, уложил на кровать и накрыл одеялом. Шизун быстро уснул. Мо Чанкун собирался уйти, но, поднявшись, вдруг увидел влажные губы шизуна, и в его голове возникла дерзкая мысль... мысль, которую он не мог игнорировать.

Шизун после пробуждения от вина ничего не помнил. Он мог сделать все, что захочет, и никто не узнает.

Поэтому...

Мо Чанкун медленно наклонился, глядя на эти манящие губы, его сердце забилось быстрее. Он осторожно огляделся вокруг, убедившись, что никто не заметил, и смело прикоснулся пальцем к губам шизуна, почувствовав теплое дыхание, а затем поднес палец ко рту.

На губах ощущался легкий сладковатый вкус вина, восхитительно приятный.

Шизун был совершенно беззащитен, крепко спал, и Мо Чанкун, наконец, не смог подавить свою жадность, наклонился и поцеловал его.

Сначала это было лишь легкое касание, затем он осторожно лизнул и попробовал на вкус... Сердце замирало, он быстро отстранился, не осмеливаясь требовать больше.

Но позже, обнаружив, что шизун ничего не замечает, его смелость возросла. Он приносил различные вина, «благодарно» преподносил их шизуну, который, не понимая истинных намерений, не отказывался от «заботы» своего послушного ученика, и пьяных ночей становилось больше.

Его моральные принципы были куда более размыты, чем у людей, и, ощутив вкус запретного плода, он становился все более дерзким. Он раздвигал губы шизуна, переплетая языки, требуя все больше и больше. Хотя он получал желаемое, его сердце погружалось во все более глубокую боль, живот будто горел огнем, не находя выхода.

Шизун был мужчиной, и Мо Чанкун не понимал, как выразить свои чувства. Иногда, когда шизун просыпался в полусне и смутно ощущал его действия, он пытался спросить:

- Чанкун? Со мной... только что что-то произошло?

Мо Чанкун всегда «с недоумением» спрашивал в ответ:

- Что случилось?

Шизун, видя его «честно» сидящего рядом, был не уверен, трогал свои губы и говорил:

- Мне кажется, я что-то ел... что-то мягкое...

Мо Чанкун «непонимающе» смотрел на него.

- Неужели я во сне ел морского ежа? - шизун был в замешательстве. В его окружении были только обычные культиваторы, и он никогда не сталкивался с чувствами между мужчинами. Он никак не мог подумать, что доверенный ученик имеет на него виды. Наконец, он нерешительно спросил, - Нет, мои губы будто влажные...

Мо Чанкун тихо объяснил:

- Шизун, вы много выпили и все время говорили, что хотите пить. Я напоил вас водой.

- Понятно, спасибо, - шизун был растроган. Он отбросил сомнения и начал хвалить, - Чанкун, ты становишься все лучше...

Но он не был хорошим...

Мо Чанкун, чувствуя вину, опустил голову, скрывая свои грязные мысли в тени. Он был прямолинеен по природе, не привык скрывать правду. Ему хотелось все рассказать, но, когда слова доходили до его губ, он не знал, как их выразить, и все превращалось в тревогу.

Дни шли, и все оставалось по-прежнему. Они покинули Восточное море и отправились в Чжучэн. Чжучэн был самым процветающим городом на Восточном море, с множеством торговцев, торгующих самыми разнообразными товарами

Шизун встретил друзей, и они договорились пойти выпить чаю. В чае Восточного моря много специй, и он имеет очень необычный вкус. Мо Чанкун боялся, что его заставят пить вместе с другими, и поэтому нашел предлог, чтобы погулять. Он наткнулся на скрытую лавку в переулке, которая продавала свитки с изображениями, и каждый покупатель выходил оттуда с довольной улыбкой.

Его любопытство привело его внутрь лавки.

- Вы не местный? - тепло поприветствовал его владелец, загадочно подавая свиток, - Здесь у нас только хорошие вещи, и цены вполне доступные.

Мо Чанкун развернул свиток и немного растерялся, увидев на нем обнаженных мужчин и женщин, занятых непристойными делами. Он поспешно вернул свиток:

- Мне не нужно это дерьмо!

- Не спешите, не спешите, - хозяин поднял свиток и заискивающе продолжил, - У нас есть любые изображения красавиц - дерзких, нежных... Кого вы предпочитаете, я найду.

Мо Чанкун уже собирался уйти, но услышав это, словно сам не свой, спросил:

- А мужчины есть?

Выражение лица владельца было просто бесценным...

Мо Чанкун, нахмурившись, пристально уставился на него.

Щуплый владелец вздрогнул под его взглядом, пощупал свое лицо, посмотрел на высокий и крепкий телосложение Мо Чанкуна и его свирепый взгляд. Неизвестно, что он вообразил, но он тихонько отступил на два шага, потом еще на два, взглянув на его крепкие кулаки, и с натянутой улыбкой сказал:

- Нет, нет у нас такого...

Мо Чанкун с раздражением спросил:

- Чего ты боишься?

От его ярости становилось жутко.

Владелец, решив, что Мо Чанкун собирается подраться, почти заплакал, дрожа всем телом:

- Я нормальный мужчина, мне такое не нравится!

Соседние клиенты, услышав шум, начали смотреть в их сторону с презрением, и, боясь столкновения, быстро покинули лавку. Один смельчак, отойдя подальше, обернулся и с отвращением плюнул:

- Сегодня не повезло, столкнулся с мерзким извращенцем.

Мо Чанкун застыл. Он долго думал, и наконец, все понял.

Нормальным мужчинам нравятся женщины, а его влечение к мужчинам ненормально, и его будут презирать. Если шизуну он тоже понравится, его тоже будут презирать, и он опозорится.

Поэтому... нужно хорошо скрывать свои чувства, чтобы никто не узнал.

Мо Чанкун покинул магазин в смятении.

Шизун все еще был в чайной, где было весело и шумно, с множеством танцовщиц и музыкантов, развлекающих гостей.□□

На Восточном море много красавиц, они очень страстные и прямолинейные, сами добиваются понравившихся мужчин. Мо Чанкун стоял снаружи чайной и издали видел, как одна из грациозных танцовщиц, исполняя восточный танец, трясла бедрами и бросала на шизуна один кокетливый взгляд за другим... а затем смело предложила ему чашу молочного вина под ярким солнцем, искренне выражая свою симпатию.

Друзья весело подначивали.

Шизун с улыбкой отказался от этого вина.

Подобные случаи происходили несколько раз, и каждый раз шизун, очень застенчивый по натуре, не мог выдержать таких страстных признаний и чувствовал себя очень неловко.

Раньше Мо Чанкун относился к этому легкомысленно, воспринимая как забавное зрелище. Теперь же ему было не до смеха...

Танцовщица могла открыто признаться шизуну в своих чувствах и выплеснуть их наружу, и все хвалили это как нечто прекрасное, но его чувства были похожи на крысу в канаве, скрытные, недостойные света дня.

Ненавистно!

Он со всей силы ударил ногой по большому дереву рядом с собой и сломал его. Дерево медленно упало, пугая торговцев, и одна старушка, продававшая фрукты, в панике потеряла свой товар: ее корзина, полная ягод, была раздавлена деревом.

Крики женщин, плач детей и гневные проклятия торговцев... все переплелось в шумный гам, который встревожил шизуна, сидевшего в чайном доме и наблюдавшего за танцами. Он понял, что его ученик снова натворил бед, быстро спрыгнул вниз, отвел мрачно выглядящего Мо Чанкуна в сторону и тихо спросил:

- Что случилось?

Мо Чанкун глубоко вдохнул, восстанавливая свое обычное выражение лица, и равнодушно ответил:

- Мешало.

Шизун не знал, что с ним делать, поспешно начал извиняться, возмещать убытки, убирать дерево, занявшись этим на долгое время, и совсем забыл про своих друзей и праздник в чайной.

Характер Мо Чанкуна становился все хуже и хуже... Он снова начал попадать в неприятности, совершая мелкие и крупные ошибки, которые приводили шизуна в отчаяние и выматывали его, заставляя уделять все внимание своему ученику, следить за ним, находиться рядом с ним и бесконечно наставлять его.

Шизун был сильно обеспокоен и долгое время тайно изучал, не существует ли у демонов второго периода непослушания, и сомневался в своих методах воспитания.

Мо Чанкун знал, что ведет себя плохо, но не мог сдержать свои эмоции.

Много лет спустя, когда он полностью вышел из-под контроля и совершил непростительный поступок по отношению к шизуну, он наконец осознал...

Проклятие призрачного паука действительно существовало. Оно пряталось в тени, постепенно влияя на его настроение, медленно и незаметно, возвращая семена безумия в его душе, пока оно не укоренилось и не превратилось в огромного монстра.

Имя этому монстру - желание.

□□.....

В безмолвной темноте Мо Чанкун вернулся в гостиницу. Аромат цветов Тулин принес с собой пьянящую дремоту, его голова кружилась, он лежал на большой кровати в гостинице, глядя на хрустальную люстру на потолке и изо всех сил пытаясь выдержать мучения желания.

В хрустале ему мерещились образы шизуна.

В одежде и без одежды, плачущего, смеющегося, страдающего, влюбленного...

Казалось, в ушах звучат умоляющие голоса.

«Чанкун...»

Желание снова рвалось на свободу, стремясь прорваться через оковы и превратиться в зверя, чтобы ворваться в соседнюю комнату. Цепь, сдерживающая демонов, почувствовав опасность,

яростно сжала его запястье, напоминая невыносимой болью, что нельзя снова совершать ошибку.

Мо Чанкун с трудом дышал, борясь с этим.

До рассвета оставалось еще долго...

<http://bllate.org/book/13607/1206728>